

Верните вора!

Автор:

Андрей Белянин

Верните вора!

Андрей Олегович Белянин

Багдадский вор #3

И вот когда весь исламский мир стоял на грани войны, в благородную Бухару вернулся Багдадский вор – Лев Оболенский! Как он попал на Восток, как превратил эмира в осла, как одолел городскую стражу Шехмета, как летал на ковче-самолете, как заставил служить себе самого шайтана, как спас истинные ценности Корана, остановив маньяка и злодея, черного шейха Хайям-Кара, кто бы знал...

Но в данном случае всему написанному точно следует верить! Ведь эту историю рассказал не автор книги, а сам Ходжа Насреддин! Уж он-то всегда говорит только правду, клянусь Аллахом...

Андрей Белянин

Верните вора!

Пролог

«Алла-а-а! Бисмиллях ир-рахман ир-рахим!»

Обратимся с молитвой к престолу Всевышнего, Создателя миров, Всемилостивейшего и Милосерднейшего! Ибо в свете бесконечной мудрости своей призвал он на борьбу с пороком великого чёрного шейха Абдрахима Хайям-Кара, и заточил гневом его меч, и вознёс над его головой зелёное знамя истинной веры! Дабы содрогнулись пред гневным лицом его ослушники шариата, опомнились нарушители заповедей, устыдились враги верующих и возрадовались сердца истинных праведников. Воистину, нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его! Нет веры, кроме ислама, и шейх Хайям-Кар – щит её! И падали в пыль города, и смирялись гордые, и покорялись сильные, и вздрагивала земля от Басры до Хорезма под грозным копытом его боевого коня! Новый мир воцарялся в мире, но лишь один грешник не склонил головы. Сам шайтан спустил его с цепи смущать умы праведных мусульман, и имя этого безумца – Лев Оболенский!

– Алла-а! Бисмиллях ир-рахман!

Откуда это? Почему я это помню? Какие неведомые отзвуки в моей душе, душе православного казака, вызывает высокий голос муэдзина, ежедневно поющего с далёкого минарета, гортанно и раздольно, на всю степь, на всю пустыню, на всё небо, на весь свет...

И мир внимает священным словам «Аллах акбар!». Не тому страшному, доставшему всех, безумному кличу террористов, убивающих женщин и детей, а – исходному, чистому, незапятнанному смыслу этих слов: «Господь велик! Воистину велик! Мы все лишь неразумные дети его, и наша жизнь подобна песчинке в часах Вечности». А много ли песчинок мы можем узнать в лицо, пересыпая песок сквозь пальцы на берегах могучей Волги, священной реки Ра, связующей Египет и Россию, или самого сиятельного Нила, отражённого в Млечном Пути...

Но о чём мы? А-а-а... Я не видел Оболенского два года. Мы поругались. Вернее, он. То есть я. Нет, опять не так, это я вновь ищу достойного оправдания в ссоре с другом и пытаюсь возложить вину на него, а не на себя, хотя всему виной моя гордыня. Я обиделся на него, каюсь. Но Лев первый повёл себя нечестным образом! Он позвонил мне в Астрахань и прямолинейно, в своей манере заявил:

– Слушай, Андрюха! Первый роман, который ты обо мне написал, был похож на большой анекдот. А вот второй не понравился нашей секретарше. Чё за фигня?!

– То есть сам ты не читал «Посрамителя шайтана»?!

– Не-э... некогда было. Но она же сказала, что ей не понравилось, значит...

Я повесил трубку. Да пошёл он! Вместе со своей секретаршей-литературоведкой, если её вкусу он доверяет больше, чем своему! И вообще, с творческими людьми нельзя так разговаривать, у нас ранимые души, нам легко сделать больно...

Короче, с тех пор мы не общались. Общие московские друзья говорили, что Лев собирался посетить Прагу, где я бываю едва ли не ежегодно, но мне оно было глубоко до неоновой лампочки. Ну как он мог так со мной – не прочёл книгу, не составил своё мнение, не спросил у автора, в конце концов, а поверил какой-то очередной грудастой блондилоидке в мини-юбке?!

Моему глупому гневу не было разумного объяснения, хотя в такой ситуации достаточно было лишь перекипеть пару дней, а потом созвониться. Но ни он, ни я вовремя не сделали первого шага. А потом... потом было поздно и бессмысленно, пёстрый вагончик жизни уже шёл по другой трамвайной линии. Ну да неважно, проблема не в этом. А в том, что чёрт-те сколько времени спустя, без малейшего предупреждения, в мою дверь постучали.

Я был дома один, мои домашние на праздники уехали к родным. Тишина, покой, «Спящий купол» в чайнике, чёрный шоколад, хорошая книга и... облом. Вставить и смотреть, кто там припёрся, не было ни малейшего желания. Но на третий упорный стук я уже занервничал. Встал, подкрался к двери на цыпочках и заглянул в глазок. Увиденное не обрадовало – на меня умилённо уставился незнакомый узбек в драном халате и скособоченной тубетейке.

– Чего надо? – не открывая, громко спросил я.

– Хвала Аллаху, вы дома, о почтеннейший! Мой друг, Лев Оболенский, сказал, что здесь я могу найти еду и кров...

Я автоматически распахнул дверь и замер перед своим зеркальным отражением.

- Домулло?!

- Офигеть... - так же поражённо выдохнул Насреддин.

- А... где Лев? - не зная, о чём ещё можно спросить, выдал я.

Боже, боже, боже... Ведь предо мной сейчас стояла живая легенда всего мусульманского мира, а я задавал глупые вопросы о том, о ком ничего и слышать-то не хотел!

- Уважаемый, это долгая история...

- Намёк понял!

...Час спустя за столом с пельменями по-астрахански и красным балканским вином мне поведали начало дивной и правдивой истории о третьем походе моего друга в сказочные дали таинственного Востока! Я слушал, я спрашивал, я уточнял, я спорил, только-только успевая записывать самое основное. Сказка вернулась, встала в полный рост и отозвалась в моём сердце, словно откликнувшийся в горах эхом звук узбекского бубна. Дрожащей, полузабытой мелодией, стуком каблучков, жарким током крови в висках, едва уловимым шёпотом жёлтой пустыни, звоном старинной серьги с голубой бирюзой, изогнутой ятаганами арабской вязью древнего текста! Бум-балаки-дон, бум-балаки-дон, бум-балаки...

Глава первая

Не грех украсть, если ничего иного не нашёл человек для продления жизни своей...

Достоверный хадис

Лев не любил рассказывать о своих путешествиях в Багдад и Самарканд. Пару раз поделился с друзьями по работе на шашлыках, так они же его и оборжали. Причём не с высоколитературной, художественной или научной критикой, а по

принципу «не умеешь врать – не берись». Дело едва не кончилось дракой, а это были хоть и нетрезвые, но деловые партнёры. В жизни Оболенского неожиданно стали набегать тучки, вроде бы и по мелочи, но мелочи, как известно, имеют нехорошую тенденцию накапливаться.

Потом ему начали сниться восточные сны. То есть в общем-то они, конечно, снились и раньше как время от времени всплывающая память о прошлых героических деяниях. Но сейчас эти сны были заполнены незнакомыми персонажами, там не было прекрасной Джамили, хитроумного Насреддина, суетливого башмачника Ахмеда, богатырши Ириды аль-Дюбины, могущественного джинна Бабудай-Аги и великого дедушки Хайяма. О последнем благородный потомок князей Оболенских вспоминал не иначе как со слезами на глазах...

О нет! Те сны, что жаркими ночами наседали на моего друга, были полны разрывов бомб, свиста снарядов, коротких молний трассирующих пуль, чёрного, душащего, жирного дыма от пылающих нефтяных скважин и сдавленного плача ребёнка. Тихого, беспомощного, раздавленного лязгом танковых гусениц и воем реактивных самолётов. Этот несказочный Восток пах только смертью!

Лев вставал среди ночи с мокрой головой, выходил на балкон, умиротворяясь спящей Москвой, тёр ладонями холодный лоб, вновь и вновь давая себе слово, что он туда больше не поедет. Сегодняшние проблемы Ирака, Ливии, Сирии, Йемена, Египта и так далее – это внутренние дела данных стран, никоим боком не касающиеся его воровской деятельности, проходившей в этих землях шайтан его разберёт сколько лет назад! И всё-таки, всё-таки, всё-таки...

Как говорят мудрецы, «человек предполагает, но Аллах знает лучше». И вот в один прекрасный (или ужасный) день помощник прокурора господин Оболенский вдруг поймал себя на том, что его со всех сторон окружают сплошные азиаты... Ей-богу!

Они были везде – вычищали улицы, подавали кофе в «Шоколаднице», ремонтировали подъезд его дома, торговали шаурмой у ближайшего метро, трудились носильщиками и грузчиками в супермаркетах и, казалось, превращали привычную его детству старую русскую Москву в некое подобие оголтелого многонационального Нью-Йорка. С той лишь разницей, что там везде мелькали чернокожие, а тут узкоглазые лица.

Мир явственно менялся, непонятно кому в угоду, но теперь те, кого было так удобно и дёшево позвать на время, незаметно оседали здесь навсегда. Закончив одну работу, они тут же брались за другую, благо избалованные москвичи, свысока поругивая приезжих, тем не менее всегда находили им занятие, спихивая на чужие плечи всё, чем гнушались заняться сами. Столица постепенно, но целенаправленно становилась всё более и более евразийской...

Разумеется, Льва это раздражало. Он, так же как и большинство россиян, искренне полагал, что каждый народ хочет и должен жить на своей исторической родине и ничего плохого в этом нет. Однако, когда на глазах у него трое парней с жёлто-чёрно-белыми значками окружили пожилую казашку с двумя багажными сумками, его сердце ёкнуло. Он даже не осознал до конца, в какой момент вмешался, но ценой порванной рубашки и разбитого кулака в три пинка разогнал юных националистов!

Женщина едва ли не на коленях благодарила своего избавителя и на прощанье, не слушая возражений, сунула ему большущее яндыкское яблоко. С этого невинного фрукта всё и началось...

Нет, Оболенский не стал тут же его есть, а сунул в карман пиджака и пошёл себе дальше. За два квартала до его дома, у перекрёстка, стояли ларьки с фруктами. Мой друг, приценившись там-сям, решил, что эти азиаты вконец задрали цены и в «Магните» оно будет дешевле, но стоило ему сделать шаг в сторону, как...

– Эй, зачем яблоко в карман взял? Платить надо!

– С чего это взял? Это моё.

– Ага как врёт, да?! – осуждающе возвысил голос молодой узбек с коричневым лицом. – А ещё москвич называется... Понаехал тут!

– Ты мне тут ещё порассуждай, кто куда понаехал, – рявкнул обиженный в лучших чувствах Лев Оболенский. – Я сейчас милицию вызову!

– Вах, смотрите на него, люди, – вступился за собрата пожилой азиат в грязном белом фартуке поверх не менее грязного халата, – сам украл и ещё нам угрожает, совсем стыд потерял, да?

– Мы тут тоже милицию вызовем! – дружно загомонили продавцы, и потомок древнего дворянского рода, коим Лев вечно и к месту и не к месту гордился, невольно отступил.

И вовсе не потому, что испугался, а потому, что происходящее само по себе было невероятно дико! Как это, на него, русского, коренного москвича, в столице России, в центре города, нападают какие-то заезжие узбеки, обвиняя в воровстве! И кого?! Его, бывшего Багдадского вора, грозу эмиров, кошмар караванов, ходячий ужас дворцовой стражи, который если уж крал, так никогда не попадался! На его счастье, мимо проходил полицейский наряд. Лев радостно кинулся навстречу и...

– Сержант Бельдыев. Ваши документы, гражданин.

– При чём тут мои документы? – Оболенский с нарастающей паникой отметил, как молодой продавец что-то быстро строчит на непонятном языке второму милиционеру, а тот сурово и понимающе кивает.

– Значит, никаких документов не имеем? Пройдёмте с нами.

– Да куда я с вами не пойду, я...

Он и опомниться не успел, как был атакован целой толпой азиатов, скручен по рукам и ногам, а сержант Бельдыев чем-то коротко и сильно ударил его по голове. Последнее, что Лев разобрал, проваливаясь в плотный душный туман, были слова:

– Совсем бандит, да, наверное, из новых русских. Тащите его в отделение, там разберёмся...

Потом были звёздочки, кружочки, птички и маленькие шайтанчики, кругами носящиеся вокруг его головы. Звёзды молчали, кружочки тоже, птицы щебетали на все лады, а шайтанчики противно хихикали, словно только что сделали какую-то невероятную пакость. Остатками неотбитых мозгов Лев понял, что сопротивление бессмысленно, и признал, что если совсем уж по совести, то у нечистого были причины до него докапываться и, возможно, его месть удалась...

«Алла-а, ир-рахим... шайтани... Блин, не помню! Короче, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, а?» – мысленно пробормотал наш герой, голова прояснилась, кружащиеся пятнышки исчезли, вокруг явственно потеплело, но он по-прежнему был несвободен и его всё так же куда-то волокли без малейшего политесу.

Оболенский попробовал было временно покориться судьбе, как чей-то властный голос остановил его обидчиков:

– Куда вы тащите этого несчастного, о правоверные?

– В зиндан, почтеннейший шейх, – после секундной заминки ответил кто-то. – Этот нехороший человек – вор, он украл яблоко на базаре и оскорбил честных купцов благородной Бухары!

– Он – чужеземец и вполне мог не знать наших законов. Аллах, Всемилостивейший и Всемогущественный, велит прощать невольное незнание, за что и да простит Он вас в Судный день. Отпустите несчастного!

– Слушаемся и повинuemся, о шейх Хайям-Кар! Да продлит небо ваши годы бесконечно. Но будет ли за это какая-нибудь награда вашим ничтожным рабам?

– Пошли прочь!!!

От такого громоподобного рёва Оболенский окончательно пришёл в себя, а двое стражников дунули вдоль по ночной улочке не оборачиваясь, едва не роняя от страха щиты и копья.

– Иди за мной, незнакомец, – приказал тот, кого звали Хайям-Кар.

Мой друг быстро огляделся, тихо, сквозь зубы выругался неприличными словами и молча проследовал за суровым худым стариком в чёрных одеждах.

Быстро сгущались сумерки, ибо ночь на Востоке падает, как чёрная вуаль на лицо неприступной красавицы, делая окружающий мир таинственным и волшебным. Высокие чинары становятся похожими на спящие минареты, мерцающая вода в арыке отливает живым серебром, маленькие дома на

окраинах превращаются в волшебную колоннаду белого и розового лукама, подаваемого на расписном блюде, а высоко в небе протирают заспанные глазки первые застенчивые звёздочки...

– Салам алейкум, Лёва-джан, – сказал старик, когда они уселись на тёплые камни у реки.

– Здоровей бывали, Бабудай-Ага. – Оболенский радушно обнял старого знакомого. – Хорошо замаскировался, только ноги при ходьбе включать не забывай, а то просто паришь над планетой.

– Привычка, – виновато улыбнулся джинн. – Как ты там, почтеннейший? Как дом, семья, достаток, друзья и жёны?

– Всё супер, особенно жёны. Ты, главное, Маше об этом не ляпни – уьёт на фиг!

– Жён? – ужаснулся Бабудай-Ага.

– Нас! – со вздохом поправил Лев. – А чего ты так маскарадно вырядился, словно беглый преступник-визирь с гематомой на всю голову?

– Твой ум не знает разумных границ, почтеннейший...

– Мм, это был комплимент или наезд?

– О человек, – грустно улыбнулся узкоглазый джинн. – Иногда ты упрямством и наглостью напоминаешь мне нашего общего длинноухого друга с именем детей Сиона. Довольно ли тебе будет знания того, что ты здесь неслучайно? Мир вновь нуждается в Багдадском воре, и силой того, чьё имя я назвать не вправе, ты вновь вернулся, дабы вписать на скрижалях Вечности новые страницы!

– А без патетики никак?

– Никак.

– Ладно, что надо украсть, чтобы ты вернул меня домой к ужину?

– Останови меня.

– Чего?! – вытаращился Лев, но Бабудай-Ага уже зыбко таял в тёплом мареве ночи.

– Аллё, стой! Куда пошёл? Стой, мы ещё с тобой не договорили-и! – заорал широкоплечий россиянин, бросился в погоню, увяз штиблетами в бархане, рухнул носом в песок и... проснулся.

Нет, нет, не так, как в дурных романах, когда мы долго следим за головокружительными приключениями героя, а в конце оказывается, что ему всё это просто приснилось. С одной стороны, даже чуток завидуешь человеку (вот снятся же кому-то такие обалденные сны!), а с другой – как-то всё-таки раздражает... В нашем случае происходящее оказалось значительно круче любых фантазий моего друга.

Он встретил это утро, как и всякий праведный мусульманин, проснувшись за несколько минут до пения муэдзина, призывающего верующих к утренней молитве. Отбросил одеяло, накинул старенький халат, просеменил в угол, достал и расстелил на полу маленький коврик, после чего опустился на колени. Его язык повторял с детства привычные слова:

– Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его!

Оболенский, как всегда, закончил свою молитву чуток раньше, чем это было положено, ибо настоящий вор должен выходить на работу до появления клиентуры. Как истинный лев, он отправлялся на охоту в городские джунгли, садился в засаду на базаре и ждал свою добычу – неторопливого крестьянина, зажиточного ремесленника, надменного купца, да кого угодно, лишь бы с деньгами. Его промысел был скромным и достался в наследство ещё от деда, а тому от его прадеда, и так бессчётное поколение времён до тех пор, когда первый питекантроп сообразил, что можно не бежать с высунутым языком за мамонтом, а просто стибрить банан у соседа...

– Утро красит нежным светом стены древнего... ля-ля! – пропел Лев просыпающейся Бухаре, выходя на её полусонные улицы.

Метельщики и пожилые сторожа приветствовали его мрачными, укоризненными взглядами, но поделаться что-либо не могли. Вор шёл уверенной, чуть пританцовывающей походкой, и казалось, он мог сунуть себе за пазуху весь город, потому что ещё никому ни разу не удавалось поймать его за руку. Не иначе как сам шайтан хранил его от гнева праведных, но рано или поздно справедливость и закон восторжествуют, и тогда не миновать ослушнику шариата кизиловых палок...

Наш герой неторопливым шагом добрался до базара, подкрепившись по пути украденной лепёшкой и горстью изюма, на ходу выдул пол-литра воды у зазевавшегося продавца и намётанным взглядом выбрал себе жертву дня. Невысокий, крепенький дехканин в запylённой одежде путешественника сидел на сером упитанном ослике и о чём-то увлечённо расспрашивал прохожего. Вся его фигура буквально излучала наив и простодушие...

– Раз пошли на дело я и Рабинович, – тихо замурлыкал Лев незнакомую доселе песенку, подкрадываясь к бедолаге сзади.

А там уже всё было бы легко до смешного: случайный толчок, искренние извинения, заверение во взаимной дружбе, любви до гроба, приглашение погостить, если караван-сарай занят... и уйти, пятась, мелкими шажками, стараясь, чтоб чужие таньга не слишком откровенно позванивали в кармане. Но тут ослик повернул левое ухо, затем правое, оглянулся, сделал круглые глаза и...

– Не понял?! – тихо выдохнул любитель чужих кошельков, когда осёл издал невероятный по мощи и долготе вопль щенячьего восторга, сбросил хозяина, встал на дыбы и кинулся на шею Оболенскому, как к родной маме.

Лев в мгновение ока был сбит с ног, потом бесчеловечно вылизан, обслюнявлен, затискан, обнюхан и расцелован до интимности с ног до головы!

– Мама-а! – взвыл он, отплёвываясь и протирая глаза. – Уберите психическую скотину!

– Воистину, это самый подлый, злобный и бесчестный ишак из всех созданных Аллахом, – со стоном подтвердил поднимающийся хозяин осла, взглянул на Льва и вдруг кинулся на него с неменьшим пылом: – Багдадский вор! О, как долго я

тебя искал, свет моих очей!

Пытавшийся было встать Оболенский был вторично брошен наземь и прижат братской тушей крепкого дехканина. Ситуация резко выходила из-под контроля, вокруг начал быстро собираться любопытный народ.

– Что случилось, правоверные?

– Вор хотел ограбить честного мусульманина!

– Ва-ах, как только Аллах такое допускает?

– Но тот поймал его за нечестную руку! Смотрите, они борются, как муж и жена, соединённые по шариату?!

– Вай мэ, вроде не запрещено, раз Аллах допускает...

– Люди, туда же ещё и осёл лезет!

– А что, ослу с ними нельзя?!

– Вай дод, не знаю, Аллах иногда и не такое допускает...

– Ты что творишь, кретиноид?! – отплёвываясь, взвыл Лев, с трудом оторвав от себя целующегося незнакомца. – Отвянь, противный, я не такой!

– А то я не знаю, Лёва-джан... Дай обниму ещё раз, или у меня разольётся желчь от переизбытка чувств и тебе придётся вести меня в чайхану, в отдельный покой, где до самого вечера отпаивать красным вином в обход всех заветов Корана! Но всё равно мои щёки будут пылать от радости нашей встречи!

– Слезь с меня, Элтон Джон в голубой тюбетейке! Мне линять надо-о!!!

А хрен вам, не растущий в здешних широтах! Базарный народ Бухары уже завёлся. Слышались призывы к властям, но кольцо сочувствующих сжималось всё плотнее, изыскивая, как бы до прихода слуг закона излить хоть на кого-то

праведный гнев истинных мусульман, по долгу веры знающих, как и чем наказывать бесстыжего вора. Тем более такого, всех доставшего, как наш московский герой и мой, если не забыли, друг...

– Стража, стража!

– В ухо не ори, да? Храни Аллах нашу стражу, когда её надо, то она вечно не тут... А что, правоверные, мы разве сами не справимся? Вора должно побивать камнями!

– Вай мэ, зачем так говоришь, вразуми тебя Всевышний?! Это блудницу пристало побивать камнями при четырёх свидетелях.

– Так взгляни на этого осла, он целуется с ними обоими, как блудница! Мы все свидетели, хвала Аллаху, у нас есть повод их побить!

Отдадим должное длинным ушам непарнокопытного, ослик мигом сообразил, что дело пахнет керосином, и спешно сделал ноги. Он явно не хотел, чтоб его сочли блудницей. А вот когда народ уже не в шутку начал награждать Оболенского тумачами, опомнился уже и Насреддин:

– Люди, за что вы его бьёте?

– Он вор и украл у тебя кошелёк!

– А-а... э-э... всё это козни шайтана, ибо это не мой кошелёк! – невнятно замялся домулло. – Я его, как бы поточнее сказать, шёл, шёл и...

– Украл, – погромче буркнул Лев, пользуясь тем, что о нём на минутку забыли.

– Вай мэ, воистину, мусульмане, вот кто настоящий вор! – Недалёкие жители благородной Бухары охотно перекинулись в другую сторону. – Бей его!

Оболенский с трудом встал, отряхнулся и, морщась от боли во всех местах, тихо двинул было наутёк по-английски, как неизвестное доселе чувство развернуло его назад. Кажется, это называется совестью...

– Хамы! Холопы! Быдло! В смысле какого лешего вы его бьёте, раз я вор?!

– И вправду, мусульмане, ведь если они оба воры, зачем нам бить одного? Надо обоим воздать кизиловыми палками! Тащим их к кади! А может, прямо здесь воздадим?

Лев успел от души съездить по мордасам двоим самым резвым, но людей на базаре всегда больше одного, а потому законопослушная толпа радостно повязала и того и другого, сдав приятелей на руки наконец-то подоспевшей страже. Четвёрка мрачных, заспанных слуг бухарского эмира, грозно хмуря брови, толкнула нашу парочку и с почётом двинулась к дому кади – верховного судьи города, облечённого властью и правом разбираться в делах, казня и милуя по собственному усмотрению. Несколько шагов толпа даже сопровождала их, а потом врождённое восточное милосердие дало о себе знать, ибо каждому известна строгость законов для богатого и для бедного...

– Вай мэ, какой белокожий, голубоглазый, светловолосый, как жалко его – страшненький...

– Ну и что с того, что они воры, зато у них любовь! Аллах да смилуется над ними...

– Аллах-то смилуется, а вот кади не очень прислушивается к его мнению.

– Их казнят? Сейчас буду плакать.

– Ай, зачем казнят, дадут по спине тысячу ударов кизиловой палкой, и иди домой!

– Ну да, если хоть что-то от спины останется...

– Зачем мы так с ними, мусульмане, я же теперь уснуть не смогу?!

– Хорошо хоть осёл успел сбежать, не выдадим его, правоверные!

Глава вторая

Так взгляни ж на меня хоть один только раз...

Русский романс, исполняет Медуза Горгона

Пока они шли через шумный базар, под проклятия и стоны сострадания, Ходжа изо всех сил старался опускать голову пониже, пряча лицо. Бывший же россиянин, наоборот, шёл с высоко задраным подбородком, всем видом показывая независимость и свободолюбивый нрав потомка благородного русского дворянства!

Пылающее солнце замерло в вышине, сияя на синем куполе неба, как всевидящее око Господа, озаряющее последний путь двух закоренелых преступников.

Ходжа ни на миг не сомневался, что кади узнает его, и тогда самое милостивое наказание для «возмутителя спокойствия» будет посадение на кол! Лев тоже не строил насчёт себя особых иллюзий, тем более что к судье его приводили уже трижды, но бездоказательно, и в последний раз кади пообещал обезглавить его по-любому, ибо надоел, блин! Поэтому, как только они перешли в узкий лабиринт улиц, направляясь к нужному кварталу, бдительный Насреддин быстро заметил соратнику:

– Лёва-джан, о свет очей моих, суперстар Багдада, любитель гаремов и посрамитель шайтанов, ты как это, вконец офигел, да? Ты что, совсем решил меня не узнавать?!

– Да я тебя, прощелыгу узкоглазого, в первый раз в жизни вижу, – вяло огрызнулся Оболенский, – и боюсь, что уже в последний...

– Я твой друг и брат, Ходжа Насреддин!!!

– Не болтать! – припугнул ближайший стражник, и эфенди словил древком копыя по тубетейке. Это быстро настроило его на более решительный лад.

– Ах ты, паршивый сын шакала, дитя гиены, помёт ехидны и отрыжка старого верблюда! Не узнаёт он меня, вай мэ?! Да на твоих глазах, низкий изменник, я обхитрю этих стражей и уйду на свободу! А если ты не вспомнишь искусство Багдадского вора, то, клянусь Всевышним, сегодня же твоя голова упадёт на «коврик крови»...

– Чё пристал? Я не знаю тебя, не знаю никакого Багдадского вора, я тихий жулик из Бухары и не...

– Я тебя предупредил, – коварно ощерился герой народных анекдотов, повернулся к самому старшему стражу и начал: – О великий воин и благородный господин, дозволено ли будет такому беспросветному грешнику, как я, до прихода к кади облегчить свою душу молитвой?

– Валяй, но покороче! – сурово кивнул бородой стражник.

Ходжа послушно опустился на колени и длинной скороговоркой зачастил:

– О Аллах, Всемилостивейший и Всемогушественный! Прошу тебя, пусть зарытый мною клад в тысячу динаров, две тысячи дирхемов и три тысячи таньга найдёт достойный человек, который употребит пятую часть этих денег на молитвы о моей пропащей душе... Ну вот вроде и всё, пошли?

Оболенский был готов поклясться всем на свете, что это банальное разводилово он уже слышал и видел, но где и когда?! Память отгораживалась чёрной стеной забвения, плотной и неприступной, как Великая Китайская... Но этот странный незнакомец вёл себя как его старый друг, которых у него никогда не было, а тот ослик радовался ему, словно любимому хозяину! Хотя откуда бы у бедного вора деньги на домашний скот? И вообще, хотя всё происходящее выглядело необъяснимой мистификацией, но казалось, вот-вот, ещё миг, и загадка перестанет быть таковой, все детали мозаики встанут на свои места, а правда восторжествует! Однако пока-а...

– Я не знаю тебя, – устало вздохнув, сдался Лев.

– А я напомню, – сладко шепнул Насреддин, отвечивая другу сурового пенделя с носка в копчик!

Оболенский взвыл и... выругался незнакомым матом. То есть это были яркие и насыщенные слова, вырвавшиеся из самых потаённых глубин необъятной русской души. На мгновение он остановился, медленно, словно бы пробуя на вкус, не торопясь, повторил по памяти всю комбинацию из пяти слов, прикрыл глаза и... вспомнил!

Хайям ибн Омар, Ходжа, Рабинович, Багдад, Шехмет, Джамиля... Аслан-бей, Самарканд, Кара-Анчар... большие города и маленькие кишлаки... арык, караван-сарай, зиндан, гарем, гарем, гарем!!! На последнем слове бывший помощник прокурора окончательно пришёл в себя, но главное, понял, кто он такой и зачем его сюда притащили...

– Аллё, служивые, чего приуныли? Вон начальник ваш с напарником другана моего на другой конец города потащили, клад выкапывать будут. А вы чем хуже? С вами-то хоть поделятся?

– Молчи, грязный вор, – без энтузиазма пригрозили ему два крепыша. По постным лицам было видно, что они и не надеются на свою долю.

– Ладно уж, – царственно повёл плечами Лев, – суньте руку за пазуху, там кошелёк. Дербаньте, пока начальство далеко.

Счастливые стражники, побросав копья и щиты, коршунами накинулись делить нежданную добычу.

– О бесчестный вор и подлый преступник, но здесь всего девять таньга, – обиженно протянули оба. – На двоих, ай-ай-ай, не делится...

– Ну я ж вам тоже не банкомат, – хмуря бровь, призадумался Оболенский. – Но одна таньга – это одна таньга, она лишней не бывает. Предлагаю пари, один берёт щит и лупит другого по голове. Тот, у кого громче получится, значит, и...

Его даже не дослушали. Бодрые стражники, не сговариваясь, бросили копья и схватились за щиты. Один ухнул другого по маковке в тот самый момент, когда второй въехал ему краем щита в висок. Два тела рухнули одновременно, обоих спасли медные шлемы, хотя гула было-о, как от удара молотком по пустому ведру...

– А по полтаньга поделить не судьба никак? Да, если Аллах наказал, добавлять уже не надо, – глубокомысленно изрёк наш герой, легко скинул верёвки с запястий, и, уложив стражей в самой неприличной позе, подсказанной ему его шибко вольной фантазией, прислонился спиной к глиняной стенке ближайшего дома. – И чем же меня так по мозгам напружинило, что я ничего не помнил? Неужели Бабудай-Ага устроил, карданный вал ему в заднюю дверцу?! Ладно, наплющу нос этому джинну при встрече. А сейчас есть тема поважнее: под какими часами мне ждать с букетиком друга и собутыльника? Мм... ну, на Востоке, если не оговорено заранее, джентльмены всегда встречаются на виду в приличном клубе. То есть в самой известной чайхане на базаре!

Определившись с генеральной идеей, он беззаботно поправил тюбетейку, с трудом удерживающуюся на пшеничных кудрях, и, насвистывая, двинулся вдоль арыка. Его славянская душа пела! И вовсе не потому, что Лев вспомнил, кто он есть, а совсем по иной причине, внятно сформулировать которую вряд ли сумел бы и он сам. Я попробую лишь угадать, но уверен, что едва ли ошибусь, предположив, что... Льву здесь нравилось!

Дивный воздух Востока, пахнувший жаркими страстями и пряностями, дыхание горячего песка под ногами, неумолимая ласка пылающего солнца, прерывистый шёпот смуглолицых красавиц, завораживающая высота голубых минаретов и, воистину, бездонное небо, накрывающее весь мир куполом надежды и веры в высокий замысел Творца!

Поверьте, ведь дело вовсе не в том, что здесь всегда жила сказка. Вернее, не только в этом. Как бы мы ни романтизировали «Тысячу и одну ночь», но средний россиянин вряд ли бы обрадовался прописке в своём микрорайоне... злобных ифритов, вызывающих бури, могучих джиннов, перемещающих дворцы, вампиров-гулей, поедающих людей, старух-колдуний с одним зубом (способным перерубить ствол дерева!), а уж тем более бегающих взад-вперёд по своим делам мелких и крупных шайтанов...

Представлять подобное в своих фантазиях весело и забавно, а вот жить в таком кавардаке – уже увольте! У каждого из нас и своих проблем хватает: дом, работа, зарплата, экология, ГАИ, ЖЭК, тёща... куда нам ещё и восточную нечисть? Я горячился, Насреддин важно кивал, со всем соглашаясь и налегая на конфеты «Коркунов», а новая история моего друга расцветивалась свежими красками.

- То есть он опять потерял память?

- Не совсем, - поправил меня Ходжа. - Память мигом вернулась к нему после хорошего пинка под зад! Причём очень важно было правильно пнуть. Я с первого раза попал в нужную точку.

- А-а, видимо, прямо в нервное окончание. Это как акупунктура, иглолечение?

- Что-то вроде.

- Как я понимаю, Бабудай-Ага этим просто сделал вам подарок.

- И не говорите, почтеннейший, такое развлечение...

Глава третья

Главное не победа. Главное - участие!

Адольф Гитлер. Записки из Рейхстага

...Примерно пару часов спустя в самой большой и многолюдной чайхане Бухары, за низеньким дастарханым столиком, встретились двое. Скромный, толстенький стражник эмира, демонстративно не желающий привлечь к себе внимание, и здоровенный еврей-ростовщик с подозрительно длинными пейсами, развалившийся на подушках и непозволительно громко покрикивающий на хозяина заведения.

- Лёва-джан, хоть чуть-чуть покажи то, что ты ошибочно называешь воспитанием. Евреи в мусульманском мире не ведут себя столь вызывающе...

- А как же Холокост, а одесские погромы, а печи Бухенвальда, а великая Шестидневная война в Палестине за создание государства Израиль? Где ваше чувство вины перед моим вечно угнетённым народом?!

- Но ты не еврей.

- Не еврей, - честно согласился Лев, поправляя кипу. - Но хоть разок-то поприкалываться могу? Хозяин! Ещё чаю моему другу! А мне кошерного вина, мацу и рыбу-фиш!

Пожилой бухарец с пузом круглым, как казан, неодобрительно прищёлкнул языком, выразительно похлопав по большому мясницкому ножу, торчащему за широким поясом.

Оболенский лениво улыбнулся и щелчком большого пальца отправил ему золотую монету.

- Ты с ума сошёл?! Хватило бы и пяти таньга!

- А чего жадничать, это же не мои деньги, - ещё шире улыбнулся Багдадский вор, и Насреддин вынужденно согласился.

Чайханщик быстро поставил перед ним горячий чайник и блюдечко с колотым жёлтым сахаром.

- А теперь, о мой вороватый друг, поведай моему истомлённому разлукой сердцу, каким безумным ветром пустыни тебя занесло в Бухару?

- Джинн.

- Где?!

- Я имею в виду, что меня, как всегда, притащил Бабудай-Ага.

- Неймётся ему...

- В точку, - почесав в загривке, подтвердил Лев. - Я так понял, что у вас тут опять не всё тип-топ? Давай колись, какие проблемы сотрясают родину моего покойного дедушки на этот раз.

– Эмир угнетает народ, богатые обижают бедных, муллы крадут пожертвования, шейхи обманывают верующих в мечетях, караванные тропы полны разбойников, городские улицы кишат грабителями, кругом разврат, мерзость, взяточничество и нарушение законов... Да нет, вроде всё как всегда, Лёва-джан.

Собеседники церемонно отхлебнули чаю и продолжили.

– Теперь позволь мне самому ответить тебе на вопрос, который давно читаю в твоих голубых глазах...

– Ходжа, ты так произносишь слово «голубых», что я невольно краснею. Имей в виду, ты не в моём вкусе.

– Вай мэ, не перебивай, уважаемый, ибо я хотел рассказать о Джамиле. – Насреддин выдержал театральную паузу. – Она вернулась в Багдад.

– И...?

– И?

– Я первый спросил «и?», то есть не томи, что дальше-то?

– Не знаю, уважаемый. В тот день, когда я увидел её на улицах Багдада, за мной гнались сразу двенадцать стражников, и если бы не резвость моего ишака, мы бы сейчас не наслаждались беседой в этой дивной чайхане...

– Она не икрная?

– Чайхана?! – едва не поперхнулся Ходжа, но, подумав, быстро поправился: – Не могу сказать наверняка: на твоей возлюбленной было свободное платье, а подойти и спросить прямо мне не позволили стражники, они были так настырны в своем внимании к моей скромной особе...

Оболенский откинулся на смятые подушки и мечтательно прикрыл глаза, вспоминая невысокую черноволосую красавицу, некогда избавленную им от злобного мужа-гуля и толпы его пустынных прихлебателей. Причудливые нити судьбы навек связали сердце женатого москвича нашего времени и сердечко

молоденькой вдовы с окраин сказочного Багдада. Если Всевышнему будет угодно свести их в третий раз, то Лев уже не поклялся бы, что вновь сумеет уйти от своей восточной любви...

- Трудно делить сердце пополам, - без напряжения читая мысли друга, вздохнул Насреддин. - Ещё трудней навеки положить его к ногам одной женщины. Возможно, поэтому Аллах разрешил верующим иметь четырёх жён. Но, между нами говоря, Лёвушка, не делай этого. Я разок попробовал и... Поверь, четыре жены - это ад! Четыре тёщи, вечно засиживающиеся у тебя в гостях, четыре тестя, приходящие за подарками каждый месяц, четыре пары белых нижних штанов, ежедневно сушащихся на верёвках во дворе... Но что хуже всего - недозволенные дни у них тоже сходятся, словно нахалки сговорились!

- «Каждому просящему у тебя - дай», - слишком вольно трактуя Библию, припомнил Лев. - Тем более мужу!

- Золотые слова... Но попробуй объяснить их истинный смысл женщине?!

Разговор соскальзывал в привычную для мужчин колею и требовал вина. Увы, толстый чайханщик возмущённо замахал руками, грозно расколотил поднос, трижды прочёл молитву против шайтана, но запрещённый алкоголь так и не выдал. По цвету его носа было заметно, что он тихонько злоупотребляет в одиночку, прикрыв лавочку и разогнав клиентуру, но делиться не станет, хоть с ним дерись...

- У нас в Москве такая исламская кафешка прогорела бы за месяц! Слушай, а хоть танцы живота здесь показывают?

- Ну если только сам хозяин станцует. Попроси его.

- Не-э, я не согласен! - Мигом представив себе небритого раздевающегося толстяка с волосатым пузом, Лев решительно поднялся и потянул за шиворот домулло. - Пошли поищем самую низкопробную забегаловку и отпразднуем моё возвращение не по-пионерски!

- Вах, неужели ты имеешь в виду вино, девочек, приятных глазу, «укус пчелы» и прочие нарушения шариата?! Я с тобой!

Они щедро сыпанули на дастархан горсть медных монет и только-только вышли наружу, как на улице были моментально атакованы высоким тощим евреем в нижней рубахе и коротких белых подштанниках. За его спиной сурово топтались два незнакомых стражника. Оболенский впервые пожалел, что уголовная этика не позволяет убирать свидетелей. Крючконосая «жертва» с пейсами спалила его на корню, как шкодливого котёнка...

- Ага, теперь ты попался! И вот он, злодей! Вот он, хватайте его, о доблестные стражи, и да будет вам награда от Всевышнего!

- Ты обещал нам сто таньга, если мы найдём твою одежду, - строго поправили стражники.

Лев открыл было рот, но Насреддин бесцеремонно захлопнул его ему метким тычком кулака снизу.

- Дай мне поразвлекся. Недаром сказано: «Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб». Итак, о мои собратья по службе, я первый поймал вора! По чести половина обещанных денег должна принадлежать мне.

- Воистину сам шайтан задержал нас... Треть денег твоя, о собрат по оружию!

Глава четвёртая

Вот поймал как-то Джек-петушитель Джека-потрошителя да как начал менять ему ориентацию...

Сказки братьев-в-гриме

- Отойдём в сторону, братья, и честно решим наши дела, Всевышний любит справедливость.

По знаку Ходжи вся компания отошла на задний двор, где Оболенскому пришлось разоблачиться и быстренько вернуть все украденные вещи. Молодой еврей радостно приделся в своё традиционное платье, и вот тогда началась

обещанная трагикомедия. Начал, разумеется, сам режиссёр, он же сценарист, он же исполнитель главной роли, он же продюсер, он же... В общем, всё как у Михалкова.

– Иудей, тебе вернули твои одежды. Отдай же нам обещанные сто таньга, дабы мы с братьями разделили их, – величественно пропел Ходжа, поправляя сползающий набок шлем.

– Конечно, конечно, конечно... Ай, у меня же был кошелёк! Вот тут, в кармане. Нет, таки он в другом. Ах нет, в поясе... О Яхве, где мои деньги?!

– Нам это неведомо, – вместе со стражниками кивнул домулло. – Но заплати нам обещанное, ибо мы сдержали слово!

– Да, да, да... Но как? У меня нет денег, они были в моей одежде, то есть когда она была моей, – засуетился еврей, но быстро прозрел: – Так ведь наверняка этот бесчестный тип украл их! Он украл и мой кошелёк!

– Обыщите его, братья.

Два стражника быстро облапали стоящего голышом Оболенского и, разумеется, ничего не нашли. Ещё бы, искомый кошель кошерных денег давно пригрелся за пазухой Насреддина...

– Ничего нет.

– Вай мэ, что же делать? Если честный стражник перестанет получать заслуженную награду за свой труд – небо огорчится, а мир перевернётся!

– Да ведь вам и так платят жалованье с наших налогов, вымогатели, – громко вякнул еврей и прикусил язык, но поздно.

– Как смеешь ты, немусульманин, осуждать наше законное право на обещанные благодарности, подношения и награды?! – грозно обрушились на него все трое стражников. (Одного можно было поставить в кавычки, но суть-то от этого не менялась.) – Это установление самого Всевышнего! Если мы не будем брать, то кто будет? Верни нам наши честные таньга, о хитроизворотливый иноверец!

Далее по сценарию бедный еврейский юноша битых двадцать минут с пеной у рта доказывал, клянясь священной Торой и бородой пророка Моисея, что он вовсе не это имел в виду, и если стражникам так нравится брать взятки, пусть берут ради аллаха, таки кто он такой, чтоб их в этом упрекать?! Вот тут он по-настоящему понял, что опять сболтнул лишнего, но как удержаться, если спор – вторая натура еврея...

– Вай дод, какими чёрными словами он оскорбил нас! Его гневные речи кислотой выжгли мне сердце, взволновали желчь и опустили печень. – Ходжа не стал сдерживать фальшивых слёз и одним красивым жестом добил сочувствующую публику. – Братья мои, а того ли мы поймали? Этот человек даже не знает, где карманы на его одежде и есть ли в них кошелёк с нашими таньга?

– Воистину, – переглянулись стражи.

– Эй, что за... Это я! Я пострадавший! А он у меня украл одежду! Он у меня, а не я у него! Вы что, совсем ослепли?!

– Молчи, иблис лукавый! Все иудеи на одно лицо, – бесстыже соврал герой народных анекдотов, визуально обобщив широкоплечего блондина Льва и стройного чернокудрого семита.

В один миг его заставили раздеться, вернуть вещи, облачили в них Оболенского, который в знак благодарности почтительно обнял «мудрого слугу закона» и, «получив» деньги назад, без проблем одарил стражей аж по динару на каждого. После чего все праведные вопли типа «Так вот же он, мой кошелёк!» уже не имели веса. Молодого еврея безбожно кинули, да ещё и добавили плюшек за «клевету и оскорбление честных людей»...

Таким образом Багдадский вор начал свой чёрный путь по Бухаре с добросовестного или бессовестного ограбления трудолюбивого клана ростовщиков. А поскольку ислам запрещает правоверным давать в долг под проценты, то мой друг даже не понял, на какую могущественную и страшную организацию он задрал лапку. Его такие мелочи никогда не волновали...

– О мои братья по оружию, ведите этого низкого лжеца в иудейские торговые ряды. Если и там он не будет признан – киньте в зиндан бесстыдника, оскорбляющего наш нелёгкий труд.

– А куда пойдёшь ты, брат? – спросили стражники, по ходу дела связывая руки не прекращающему ругаться на иврите (и, как мы понимаем, ни в чём не повинному) молодому еврею в подштаниках.

– Завершу свой обход базара. Быть может, мне удастся найти ещё одного нарушителя спокойствия, наказав его на пару лишних таньга.

– Лишних таньга не бывает.

Резюмировав очевидное, слуги закона кивнули Ходже и невежливыми пинками погнали несчастного на опознание в еврейский квартал.

– Что с ним будет? – чисто из вежливости спросил Оболенский.

– Оправдают и откупят деньгами, – равнодушно отмахнулся Насреддин. – Мы же в Бухаре, а не в Багдаде. Здесь не принято сажать на кол человека, у которого есть чем платить.

– Коррупция, значит?

– Она самая, Лёва-джан.

Определившись с основной общегосударственной проблемой, соучастники спокойненько отправились на поиски верного Рабиновича. Данный эпитет к ослику прилагался довольно часто, причём из уст обоих владельцев. Что, согласитесь, уже само по себе было нелогичным – ведь если оба твоих хозяина уверяют друг друга в твоей преданности им, то кто-то один наверняка ошибается. А в случае с Рабиновичем, похоже, ошибались оба. Меж тем лопухий «слуга двух господ», цокая новенькими подковками, шествовал себе меж торговых рядов, высокомерно кося по сторонам на крикливых продавцов и суесящихся покупателей.

Базар кипел, бурлил, шумел грозovým прибором, неумолимо и ярко, словно жил своей собственной жизнью, отдельно от всего мира и сам вмещающая в себя весь мир. Люди всех национальностей и возрастов, всякой веры и цвета кожи сливались в единое живое море, колышущееся, не затихающее ни на мгновение, торгующее, покупающее, лгущее, обманывающее, всучивающее, достающее,

расхваливающее, обвиняющее, поющее, рыдающее, смеющееся, бьющее себя кулаками в грудь, ибо «клянусь Аллахом, это лучшие персики по обе стороны океана, а ткани моего соседа годны лишь на то, чтобы шайтан подтирал ими свою порочную задницу... Персики купи, да!». Что отвечал на это сосед, не стоит даже воспроизводить, так как мои книги читают и дети. Послушаем лучше других, ведь на базаре главное – слово...

– Женская кожа! Лучшая женская кожа! Башмачки, плащи, кошельки, сапожки из женской кожи... ай! Почему дерёшься, хозяин?! А-а... Продажа изделий из кожи ДЛЯ женщи-и-ин! Сразу надо было сказать, зачем сначала палкой по голове...

– Ай, уважаемый, подходи сюда! Купи плов, кушай плов, вкусный плов, полезный плов, из лучшего риса, с мясом молодого барашка, с морковью, луком, тмином, изюмом и горохом нут! Покупа-ай! Что сказал? Ты уже покушал плов? Где?! Вон там?! Вай мэ-э... надеюсь, они тебя отравили...

– Сабли, кинжалы, ножи из самого Дамаска! Даже из ножен вытаскивать страшно, боюсь порезаться. Тебе надо, ты вытаскивай, да... Не маши ею, не маши! Ай-ай-ай... Ну, теперь сам поднимай своё ухо. Нет, кошка не утащит. Она уже сытая, с утра все покупатели саблями машут...

Одиноким, праздничношатающийся ослик не мог не привлекать к себе внимания. На него оборачивались, окликали, ища взглядом хозяина, пытались поймать за уздечку и удержать за хвост. Беспозное имущество всегда вызывает повышенный интерес у хозяйственных восточных граждан. Рабинович уже забодался убежать от наплыва желающих увести его с линии основного маршрута. Трёх самых активных соискателей он укусил, одного лягнул копытом в пах, другому отдал большой палец на ноге. Тем не менее две тёмные личности осторожно и невозмутимо подталкивали ослика в круп, заставляя уходить всё левее и левее, пока не загнали в какой-то грязный проулок, заканчивающийся ещё более замызганным тупичком.

Поняв, что его провели, Рабинович отважно обернулся к преследователям мордой и оскалил зубы. Двух грабителей это не очень смутило...

– Хороший ишак. Злой, сильный, высокий. Караванщики много заплатят.

– Да, зубы крепкие. Копыта без трещин, живот не висит. Но глупый, наверняка сбежал от владельца.

Ослик, развесивший было уши после первых комплиментов, тут же понурился. Он прекрасно понимал, что, спасая свою шкуру, бросил на растерзание толпы обоих нежно любимых хозяев...

– Заходи слева, а я справа. Хватаем моего осла.

– Почему твоего? Я первый его заметил.

– А я сумел загнать его сюда!

– А я указал тебе на него!

– А я...

– Ты только глянь, Ходжа, – раздался насмешливый бас за спинами грабителей. – Спорят, суслики плешивые, прям как мы!

– И не говори, Лёва-джан, – хладнокровно подтвердил крепенький страж с нарастающим брюшком. – Самому стыдно, но так похоже. Неужели мы собачимся из-за никчёмного ишака точно так же, да?

– Что такое, э?! – хором возмутились два недалёких жулика. – Это наш ишак!

– Рабинович? – подмигнул рослый блондин в еврейском платье.

Ослик недолго думая врезал задними копытами по почкам одному умнику и жестоко тяпнул между ног второго. После чего, под вой и стоны жертв, горделиво процокал к своим истинным хозяевам. И как истинный проныра аккуратно остановился между Львом и Насреддином. Сантиметр в сантиметр, тютелька в тютельку – такое надо уметь. Оба соучастника одновременно сомкнули любящие объятия на крутой шее Рабиновича. Сегодня он одержал двойную победу, если вы поняли, о чём я говорю...

Ну в том смысле, что каждый из друзей всем сердцем ощутил, что на самом-то деле ослик предан только ему. И ведь не только ощутили, но и поверили оба! Хотя и не были наивными дураками, но каждому так хотелось верить, что это только «его» осёл...

Я не осуждал их. Более того, даже где-то немножко завидовал, потому что у меня такого замечательного животного никогда не было, нет и уже наверняка не будет. А ведь как было бы красиво и удобно в наше суетное время, минуя пробки машин, душные авто, липучее ГАИ, прыгнуть на спину верного ишака и, забекренив тюбетейку, ехать себе вдоль астраханского лета, улыбаясь проходим, читая вслух рубаи Хайяма о любви, красавицах и креплёном вине! Мечты, мечты, где ваша сладость?..

Глава пятая

Лорд Грейсток, что вернулся из Африки, вчера в парламенте прыгал по столам, разбрасывал бумаги, качался на портьерах и вообще вёл себя не по-джентльменски. Хотя было смешно...

Эдгар Берроуз

Насреддин гостил у меня в общей сложности больше недели, выходя утром погулять и непременно возвращаясь. Я выделил ему диван в гостиной, но он предпочёл спать на балконе, расстелив моё новенькое одеяло и укрываясь своим драным халатом. Ванну герой народных анекдотов принимать отказался, мотивируя свой отказ тем, что, по мнению пророка Мухаммеда, «ванна есть нечистое место». Хотя от помывки в душе никогда не увиливал, это напоминало ему тёплый горный ручей. Кстати, мыла он не боялся, без спроса спёр мой станок для бритья, умудрившись без посторонней помощи аккуратнейшим образом побрить себе голову. Ел много, вино пил, как немусульманин, а к плите меня даже не подпускал – всё готовил сам. За эти дни я стал утончённейшим гурманом восточной кухни, ибо вот так, как он, готовить узбекский плов, лагман и шурпу не мог никто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/andrey-belyanin/vernite-vora>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)